

А.И. Попов

«ПОИСКИ» КАЗАКОВ ПЛАТОВА НА ДНЕПРЕ

Интересующие нас *три* казачьих налета произошли вскоре после боя при д. Салтановке. Наиболее подробно эти события освещены в работе А.И. Сапожникова на четырех страницах; правда, он почему-то не рассказал об одном из них – налете на г. Копыс¹. Целью нашего сообщения является детальный анализ этих стычек *за счет более широкого привлечения иностранных источников*, которые следует соотнести с русскими для создания наиболее объективной картины. При этом нам пришлось уделить немало внимания тогдашнему расположению французских войск, поскольку за 200 лет ни один российский историк не удосужился этого сделать – они просто повторяли то, что написал П.И. Багратион, *реального положения войск противника совершенно не знавший!*

В то время как 1-я Западная армия еще только ввязывалась в трехдневные бои под Витебском, казачий корпус М.И. Платова и отряд генерала И.С. Дорохова, переправившись через Днепр в Ворколабове и Старом Быхове, двинулись на соединение с ней. 13 (25) июля, в день боя при Островно, корпус Платова от Островов прошел через г. Чаусы до с. Головичи². В 11 ч. того дня маршал Л.Н. Даву приказал командующему 3-м конно-егерским полком шефу эскадрона Дежану направиться в Бародзин (?), чтобы захватить там перекидной мост на правом берегу Днепра, свезти туда все плавсредства, установить связь с драгунским полком, находившемся в Шклове, и посредством патрулей наблюдать за берегом на пространстве между Шкловом и Могилевом.

Генерал Ф.А. Тест, находившийся с 57-м линейным полком в Могилеве, доложил, что выслал разведки *вверх по течению* Днепра, чтобы собрать все обнаруженные лодки и ялики. Тест должен был держать один

паром в Могилеве, а также выслать роту пехотинцев к командану Дежану в Бародзин, чтобы охранять найденный там паром, вмещающий 30 лошадей, и выставить небольшие наблюдательные посты на возвышенностях. Другие три роты Тест должен был разместить на правом берегу между Могилевом и Буйничами (*вниз по течению*), чтобы охранять переправы. Квартира самого генерала должна была находиться возле тет-де-пона, где следовало поставить орудия.

Дивизии генерала Л.П. Шателя было приказано направиться в Шклов. Перед отъездом Шатель должен был явиться к маршалу, а затем занять позицию у Тросны; одна часть дивизии с артиллерией разместится на дороге в Копыс, другая часть – на дороге в Коханов. Шатель должен был предупредить о своем прибытии генерала Э. Груши, находившегося в Коханове. Если же русские двинутся на Оршу, генерал мог присоединиться к себе *драгунский полк, стоявший в Шклове*. Ординарец Шателя саксонский лейтенант О.В. Рёдер фон Бомсдорф писал, что тот приказал бригаде генерала П.Э. Готрэнна направиться в Шклов. Генералу Ф.Ж. Жерару, стоявшему в Бельнычах, было велено присоединиться к Шателю, как только он будет сменен завтра отрядом поляков; Шатель укажет ему направление движения. Полковник 1-го шассерского полка должен был направить отряд из 60 конных егерей, чтобы сменить отряд 8-го шассерского полка из бригады Жерара, стоявший на аванпостах дивизии генерала Ж.М. Дессэ у Салтановки³.

Даву приказал генералу К.П. Пажолу выслать в Шклов офицера с 200 кавалеристами (50 поляков, 150 французов). Этот офицер должен был разместиться там со 150 всадниками, оставив между Могилевом и Шкловом четыре отряда по 12 человек каждый, чтобы передавать депеши от Груши. Задачей этого отряда было сменить стоявший в Шклове драгунский полк, который должен был вернуться в корпус Груши. Пажоль послал туда два эскадрона под командой шефа эскадрона 2-го конноегерского полка Э.К. Жосслена. Командир 5-й роты этого полка капитан Пьер Ноказ вспоминал: «Мы получили приказ составить авангард армии впереди этого города на берегу реки. Именно на эту позицию я был отослан со своей ротой, чтобы занять пост в Шклове. Я провел день в написании двух писем... Едва я закончил эти письма, как *моя рота егерей, силою в семьдесят пять человек, и рота девятого польского гусарского* [уланского полка], *силою в сорок шесть человек*, получили приказ поступить под команду подполковника (lieutenant-colonel) Ж... чтобы направиться занять Шклов. Не найдя почтальона, чтобы вручить ему мои письма, я положил их в свою ташку.

В девять часов я занялся отправлением, когда мой старший вахмистр сказал мне, что моя рота лишилась боеприпасов. Было слишком поздно, чтобы суметь снабдить себя ими из парка, поэтому капитанам других рот пришлось отдать мне то, что они имели. Лишь с большим трудом я смог собрать по четыре заряда на человека. Таким образом, пришлось выступить без боеприпасов. В одиннадцать часов мы покинули бивак. Старший адъютант, который был моим личным другом, простился со мной с сочувствием, которого я поначалу не заметил, но в пути мне сказали, что одному конному егерю, который находился возле генерала П... в момент, когда тот отдавал приказ о выступлении, он громко сказал: «Итак, люди, составляющие две роты, которые выступают, более не возвратятся». Я не придавал большого значения этим словам, но запомнил выражение прощания на лице старшего адъютанта»⁴.

В 2 ч. Груши доложил императору из Коханова, что русские соединяют свои силы между Дубровной и Красным. Утром 8-й (вестфальский) корпус генерала Ж.В. Тарро прибывает в Коханов. Русские ничего не предпринимают против Орши, которую давно занимает легкая кавалерия генерала Э. *Кольбера-Шабанэ*. Груши было велено опираться на Сенно, но у него в распоряжении осталось всего три полка драгун, одна бригада легкой кавалерии и 2-й (голландский) полк шволежеров гвардии, всего 2 300 кавалеристов и семь орудий. Дивизия Шателя находилась у маршала Даву, а 3-я кирасирская дивизия была оставлена в Полоцке.

В это время Даву сообщил Груши, что дивизия Шателя *«двинулась маршем, чтобы быть в вашем распоряжении, как и драгунский полк, находившийся в Шклове. Я велел выслать в Шклов авангард... Напишите генералу Тарро присоединиться к вам»*. Обнаруженные мосты следовало оборонять, забаррикадировав их, либо разрушать. Возле переправ войска следовало размещать за изгоролями или в домах с проделанными в них бойницами. Кавалеристы Шателя должны были на Днепре между Шкловом и Оршей «возвратить плоты и ялики на правый берег и вытащить их». Офицер, высланный Пажомлем в Шклов, должен будет установить связь с Груши.

В 19 ч. Груши написал Наполеону, что войска русской 1-й армии будут удерживать Смоленск, «где они рассчитывают произвести свое соединение с князем Багратионом». Груши «принял все необходимые меры для обороны Орши и спасения магазинов»; несмотря на незначительность своих сил (менее 2 400 кавалеристов), генерал надеялся сохранить эту позицию. С разрешения Даву он велел генералу Тарро ускорить движение так, чтобы завтра 8-й корпус прибыл в Коханов.

Груши надеялся, что движение армии Наполеона на Витебск отвлечет внимание русских от Орши.

Адъютант маршала А. Бертье шеф эскадрона Э. Монтеस्कью-Фезансак вспоминает: «Утром 25-го князь Нёвшательский приказал мне объехать весь правый фланг армии до Могилева, где должен находиться князь Экмюльский... Меня сопровождал *польский офицер*, чтобы опрашивать жителей... Мой компаньон по путешествию был мне очень полезен, сопровождая меня в польские поместья, владельцы которых предоставляли нам лошадей... Ночью мы прибыли в Коханов; генерал Груши командовал там кавалерийским корпусом, авангард которого размещался в Орше под командой генерала Кольбера». Упомянутым Фезансаком польским офицером был шеф эскадрона Р. Солтык, который получил задание передать Груши приказ о размещении его колонны на пути между Днепром и Витебском⁵.

В час ночи 26 июля Даву отдал приказ Дежану в течение дня спустить по Днепру от Шклова до Могилева все понтонные мосты, паромы и даже самые маленькие лодчонки и на этой дистанции выставить посты возле переправ, чтобы не допустить русских на правый берег. Генералу князю Ю. Понятовскому маршал сообщил, что русские ушли за Днепр в Новом Быхове. *На левом берегу реки на высоте Могилева видели большое количество казаков из корпуса Платова*. Вся 1-я русская армия движется в Бабиновичи и Дубровну. Чтобы помешать ее соединению с армией Багратиона, написал маршал князю, «*я должен дебушировать по мосту в Могилеве; но чтобы произвести это движение, необходимо, чтобы ваше сиятельство были в Могилеве, чтобы сменить меня*». Для того чтобы Багратион не прибыл первым в Оршу, маршал «подготовил сегодня свое движение и разместил часть своей армии в нескольких льё от Могилева на дороге в Оршу». По словам поручика Х. Брандта из Легиона Вислы генерала М. Клапареда, он в тот день прошел 13 верст от Могилева до Жукова (?), где расположился лагерем.

Генерал Пажоль должен был выслать офицера, чтобы выяснить, находятся ли дивизия Шателя в Тросне, а драгунский полк – в Шклове, а также связаться с Оршей и Кохановым, где находятся Кольбер и Груши. Все новости нужно сообщить маршалу в Могилев. Пажоль должен сменить 50 кавалеристами отряд 3-го шассерского полка, находящийся у моста, и отправить его к командану Дежану. Новый отряд должен высылать во все стороны «летучих ведетов». Самому Дежану было велено держать посты возле переправ на Днепре к северу от Могилева,

у деревень Поликовичи и Требухи и напротив деревень Бишлики, Барсуки, Малая, Добрянка, Загорье и Яново⁶.

Фезансак вспоминал, что вместе с Солтыком они «26-го на рассвете прибыли в *Шклов, маленький еврейский городок, очень коммерческий*, а утром – в Могилев, где находился 1-й корпус. В этом последнем городе я имел возможность наблюдать порядок и дисциплину, которыми всегда отличались войска князя Экмюльского. От него я узнал, что князь Багратион, поднимаясь по Днепру от Старого Быхова, тщетно атаковал 22-го и 23-го и, отчаявшись тогда взять силой переправу в Могилеве, князь Багратион перешел Днепр в Старом Быхове и ретировался в направлении Смоленска».

Между тем к Шклову приближался отряд Жосслена. П. Ноказ вспоминал: «Шклов был удален от Могилева на двенадцать льё; мы ехали всю ночь, чтобы прибыть туда. Следуя приказу генерала, мы оставили на дороге *три поста для связи*. Каждый пост был силою в пять человек, что сократило наше маленькое войско до ста человек. Наконец *в семь часов утра мы прибыли в город, который нашли занятым седьмым драгунским полком*. Сначала я был весьма удивлен, увидев, что две роты были назначены охранять пост, который в течение трех дней охранял [целый] полк. *Седьмой драгунский выступил днем*».

Правда, адъютант Пажоля капитан Ю.Ф. Био написал иначе: «Бригада Готрэна... получила приказ... присоединиться к своей дивизии; бригада Пажоля сменила ее на позиции. Сторожевая застава из двух эскадронов 2-го шассерского под командой шефа эскадрона Жосслена... *сменила отряд 8-го шассерского под командой шефа эскадрона де Лаори*. Перед отъездом этот офицер дал командану Жосслену самые точные данные разведки о позиции казаков, *биваки которых виднелись на другой стороне реки*, во многих окрестных местах переходимой вброд. Итак, чтобы не быть захваченным врасплох, следовало постоянно быть настороже. Коммандан Жосслен не разделял опасений своего предшественника; он довольствовался размещением небольших постов и расположился в Шклове с основной частью своих войск».

Био имел в виду шефа эскадрона 8-го конно-егерского полка Л.М. Фанно де *Ла Ори* из бригады Готрэна, однако *во всех без исключения документах речь идет именно о драгунах*; к тому же казаков здесь тогда еще не было. По словам Груши, бригада Готрэна во главе с Шателем могла прибыть в Шклов лишь вечером того дня, а затем по приказу Даву должна была занять позицию севернее, на правом берегу р. Тросны. Рёдер фон Бомсдорф вспоминал: «Я получил задание объехать город

и привести к генералу нескольких жителей. Шклов лежит на обеих сторонах Днепра в долине, окруженной горами, между которыми, обмытая их подошву, он протекает. Плохонький деревянный мост связывает так называемые старый и новый город». После короткой остановки бригада ночью продолжила свой путь.

П. Ноказ свидетельствует: «Подполковник Ж... сделал необходимые распоряжения для безопасности поста. *Приказ генерала гласил, что мы должны противостоять любому войску, которое попытается переправиться через Днепр вплавь.* Опросив местных жителей, я узнал, что Днепр проходим вброд напротив города на пространстве от восьми до девяти сотен туазов, что брод имеет два въезда, по одному из которых можно спуститься повзводно, по другому – поэскадронно. Это открытие сделало нашу позицию опасной. Следовало изменить распоряжения по безопасности, что и было сделано. Было условлено, что отряд останется на конях всю ночь, готовый к любому происшествию. Ночь прошла довольно спокойно»⁷.

Между тем, двигаясь через Городец, вечером корпус Платова прибыл в местечко Горки. По пути следования казаки противника не встретили. Но, по данным разведки, «неприятель, состоящий в небольшом числе, находится в *городе Шклове, местечке Копысе и городе Орше*». Атаман выслал три команды «для поиска над неприятелем»: к Шклову подполковника И.Г. Мельникова 3-го с 500 казаками, к Копысу генерала В.Т. Денисова 7-го с двумя полками, а к Орше подполковников П.А. Чуйкевича и К.И. Харитонова 7-го с 700 казаками «с приказанием всем им *сбить неприятеля с прописанных мест*», а сам с корпусом рассчитывал на следующий день направиться к Орше. Отправляясь в экспедицию, Чуйкевич написал Барклаю: «Бог нам всем поможет, ибо нельзя полагать, чтобы неприятель был очень силен в трех местах, ибо *Даву вероятно стянул свои силы к Могилеву для наблюдения за 2-ю армиею*»⁸.

Между тем Груши с драгунской дивизией А. Лауссэ (только три полка) отправился из Коханово в Оршу, куда прибыл в 19 ч. Генерал сообщил Бертье: «*Легкая кавалерия генерала Шателя будет этим вечером в Шклове; я потребовал от него прибыть немедленно; она соединится со мною здесь завтра, и я с дивизией Лауссэ и дивизией Шателя прибуду в Бабиновичи 28-го*». Вызванная Груши 17-я бригада легкой кавалерии генерала Ж.Б. Домманже расположилась биваками впереди города. Французы узнали, что в Ляды прибыло много русских войск.

Для того чтобы не подвергать опасности магазины в Орше, Груши обязал генерала Тарро выслать туда два или три батальона и легкую кавалерию. В 16 ч. Даву приказал Тарро направить 8-й корпус к Орше,

а одну пехотную бригаду с ее артиллерией и одним кавалерийским полком разместить между Оршей и Шкловом, чтобы наблюдать за Днепром. Если в Орше дело дойдет до серьезного боя еще до прибытия маршала, то «генерал Груши, имея то же звание, но, будучи более старшим [по чинопроизводству], примет командование». Маршал приказал Шателю вечером выступить с дивизией из Шклова и объяснил, что он снова находится в подчинении Груши. Даву написал Груши, что «полковник драгун, который находится в Шклове, очень плохо исполняет свою службу. Ему было недвусмысленно рекомендовано стянуть к себе все лодки, находящиеся на Днепре от Копыса до Могилева, но он ничего не сделал». Речь идет о командире 7-го драгунского полка Л.Ш. Сопранзи, сыне от первого брака госпожи Висконти, пассии маршала Бертье. Видимо, на этом основании ее сыночек позволял себе пренебрегать точным исполнением приказов.

Маршал велел Груши повторить полковнику приказ собрать все плавсредства от Копыса до Трехбухи и оттуда до Могилева. Он должен был разместить посты драгун на левом берегу Днепра, чтобы наблюдать за русскими. Завтра в Могилев должен прибыть Понятовский, и тогда Даву двинется через Шклов в Оршу. Маршал велел Тарро разместить одну бригаду между Шкловом и Оршей, чтобы наблюдать за Копысом. Унтер-офицер 6-го конно-егерского полка Ж.Л. Хенкенс вспоминал, как его командир полковник Ф. Ле Дар направил его и капитана Якоби с большой повозкой в маленький городок Шклов, чтобы разыскать там шорника и отремонтировать седла; своих лошадей откомандированные оставили при полку⁹.

15 (27) июля две партии из трех, высланных Платовым, исполнили отданное им приказание.

Налет на Шклов. П. Ноказ вспоминал: «Утром следующего дня мы осмотрели брод по всей его длине, и полковник (colonel) взялся писать рапорт г. маршалу Даву. Я не знаю, было ли его написание легким, но я снова увидел его только через час. В два часа два человека с наблюдательного поста, переправившиеся через Днепр, чтобы пограбить, были весьма тяжело ранены казаками в той части города, которая находилась на левом берегу. В это же время на берегу Днепра появились старшие неприятельские офицеры с немногочисленным эскортом. Поэтому я направился к тому месту, где производилась эта рекогносцировка; я приказал сделать несколько выстрелов из карабинов, и все они исчезли. Между тем было легко понять, что целью этой разведки было удостовериться в наших силах и [в наличии] брода».

Якоби и Хенкенс из 6-го шассерского полка в Шклове расположились у фармацевта, хорошо говорившего на немецком языке. Помощник фармацевта спросил у Хенкенса, видел ли он уже казаков. «Я сказал ему: „Еще очень мало“. „Вы хотите их увидеть?“, – спросил он, и после моего утвердительного ответа повел меня на чердак дома. Глядя в слуховое окно, я увидел *довольно большое число казаков на другом берегу реки и возле брода два эскадрона французских конных егерей*. Я спустился вниз и доложил капитану Якоби, который сказал мне: „Поезжайте, посмотрите, что за шассеры находятся у брода, и скажите им, что вы видели казаков, и постарайтесь раздобыть лошадей для нас двоих“».

П. Показ продолжает: «Подполковник, предупрежденный о движениях неприятеля, также явился на берег реки и заметил, что два эскадрона плывут вдоль берега на нашем правом фланге. Он вернулся ко мне, чтобы отдать мне приказ разместить пост из тридцати человек под командой офицера в месте, которое он мне указал. В то же время я направил восемь человек и одного офицера, чтобы доставить письмо маршала Даву к генералу Груши. Мой старший вахмистр предложил мне переслать свой рапорт маршалу; после этого момента я более не видел начальника.

Я занялся формированием поста во главе с офицером и сам его разместил. Едва этот пост был установлен, как послышались несколько ружейных выстрелов. Я направился к атакованным аванпостам и увидел неприятеля, готовящегося к переправе через реку. Я помчался к своей роте и к роте гусар; я нашел их готовыми, но не было начальника, чтобы отдать приказ. Даже почти непрерывный ружейный огонь не смог заставить подполковника выйти из своего кабинета, где он постоянно занимался своим рапортом.

Видя неприятеля вступающим в реку и будучи готовым соединить свои посты, я быстро отправился с восемью людьми, чтобы по меньшей мере усилить пост у перекидного моста. В то же время я дал приказ своему лейтенанту поддержать меня с одним взводом. Признаюсь, что если бы я был главным начальником, то вместо того, чтобы идти вперед, я приказал бы начать отступление; но я не знал намерений г. Ж... и посчитал за лучшее, чтобы приказ об отступлении исходил от него, а не от меня.

Прибыв к летучему мосту, я нашел, что противник переправился выше моих постов и что все люди на моем правом фланге захвачены или перебиты. Атакованный с фронта казачьим майором, начальником экспедиции, я попытался ретироваться к посту, который я разместил

в четверти часа [пути] отсюда. Дорога на Оршу была для меня уже отрезана, полковник приказал моей роте отступить, не заботясь о том, что творится позади.

Каково же было мое удивление, когда я нашел пост, к которому я отступал, уже захваченным; с этого момента для меня все было потеряно. Полковник, которого перестрелка наконец заставила выйти, дал приказ моему лейтенанту, который направлялся мне на помощь, отступить и следовать за движением первого взвода, который начал отходить первым. Один с восемью людьми я был вынужден уступить двум сотням казаков, которые тотчас *пронзили меня ударом пики. Я упал с лошади и был взят в плен, так же как шестьдесят человек и четверо офицеров*, остальные были убиты или смогли спастись; неприятель потерял десять человек, *мой четвертый офицер был тяжело ранен и ограблен казаками, но ему удалось спастись из их лап*».

Хенкенс уточнил детали этого боя: «Я быстро разыскал два эскадрона, принадлежавшие 2-му полку из бригады Пажоля, которые уже были в схватке с казаками. Я спросил лейтенанта, старшего адъютанта г. графа Дюшателя, не даст ли он пару лошадей для капитана Якоби и для меня. Он мне сказал: „Наши запасные лошади остались при полку, но два шассера уже убиты, так что если хотите их лошадей, то они к вашим услугам“. Я сел на одну и повел другую к капитану Якоби. Это было своевременно, так как казаки уже были в городе. Мы остались при двух эскадронах, вынужденных отступить, но полк прибыл к нам на помощь, мы повернули обратно и выгнали казаков из города. Во время внезапного нападения казаков лошадь лейтенанта графа Дюшателя была убита и пала, придавив одну ногу графа, которому я имел честь помочь спастись из рук казаков, которые продолжили удирать только после того, как увидели, что офицер освобожден»¹⁰.

«Во время этого дела, – утверждает П. Ноказ, – мы имели под рукой *шестьсот пятьдесят человек, а смогли соединить только шестьдесят человек*. Остальные наши люди, будучи рассеяны по наблюдательным постам, не получили приказа подполковника и стояли вместо того, чтобы отступить перед противником, значительно превосходящим по численности; итак, это были две истинные причины нашего несчастья. *Шеф эскадрона был обязан своим спасением только живости своего коня*. В семь часов вечера все раненые и пленные были соединены на левом берегу Днепра напротив Шклова. Неприятель, увидев прибытие бригады Жерара, пришел в движение. Всего нас было *пять офицеров*: Б... лейтенант моей роты, Л... также; Суменовский, польский инженерный

офицер, которого злая судьба привела в Шклов во время моего дела; Домбровский, офицер 9-го гусарского [уланского полка]. Один офицер из 85-го линейного пехотного, молодой человек без головы и мужества, который в течение нескольких дней прятался в городе и *которого евреи продали казакам*. Еще с нами было шестьдесят солдат и унтер-офицеров. Конвой, сопровождавший нас, заставлял нас идти очень быстро, чтобы бригада Жерара не смогла отнять назад пленников, которые были в их руках». Помимо офицеров один конный егерь был убит и 45 взяты в плен¹¹.

Действительно, к Шклову прибыла 10-я бригада легкой кавалерии генерала Жерара (шесть эскадронов 6-го и 25-го конно-егерских полков). Жерар сообщил Даву: «Прибыв к Шклову, я встретил неприятеля, который занимал город и лес. Не колеблясь, я пошел далее, чтобы определить силы противника, каковые оказались бесконечно превышавшими все, что было у меня. *Начался бой, длившийся до ночи*, у меня трое убитых и восемнадцать раненых, двадцать лошадей убиты или захвачены. У противника много убитых, один из них имел награду, много раненых, у него захвачены шесть лошадей... *Я ретировался в Княжицы, куда прибыл в данный момент, в 3 часа*. Мы пробыли 18 часов на лошадях, лошади чрезвычайно утомлены. Противник перешел реку вброд, я надеюсь, что он ретируется».

Это была одна из высланных Платовым партий (казачий полк Мельникова 3-го), которая «разбила там оного и прогнала его чрез реку Днепр за Шклов с чувствительным поражением, *взяв в плен шесть офицеров и семьдесят два рядовых*»; позже атаман увеличит последнюю цифру «до ста человек рядовых». В послужном списке есаула этого полка Ф.В. Агапова отмечена стычка «15-го при Шклове, за что награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом».

П. Ноказ продолжает: «Почти все пленники были ранены; после часа движения нам потребовалось дать лошадей, так как мы не могли идти вперед. Что касается меня, то кроме удара пикой сквозь тело, я был еще ранен в бедро и потому едва еще держался на лошади. Тем не менее мы шли вплоть до полуночи. В этот час мы были остановлены в одной плохонькой деревеньке. Офицеры были собраны в маленькой комнате, а солдаты – в конюшне. Несмотря на ужасную усталость и страдание от своих ран, я проспал один или два часа».

Узнав об этом бое, Даву немедленно направился в Шклов, куда прибыл 28 июля. В донесении императору маршал напомнил, что в полученном им вчера рапорте Жерара сказано, что «неприятель вступил

в Шклов в числе *3000 кавалеристов*; немного спустя, я получил рапорт шефа эскадрона Жосслена из 2-го шассерского полка, который был внезапно атакован в Шклове. Этот рапорт *подтверждает* рапорт генерала Жерара. Он прибавил, что заметил драгунские полки». По мнению маршала, эта стычка «была лишь дерзкой выходкой казаков, произведенной безо всякого плана. *Кажется, что евреи дали знать казакам, что после ухода драгун в Шклове осталась лишь сотня шассеров*. Наши люди потеряли голову и спасались во всех направлениях; некоторые из наших были взяты в плен». Казаков было 1000–1200 человек, а драгуны Жосслену померещились. От себя заметим, что в рапорте Жерара нет упоминания о 3 тыс. казаков.

К этому рапорту маршал приложил показания протоиерея Шклова Александра Старынкевича, который сообщил, что «около 6 часов 27-го он услышал несколько ружейных выстрелов на Днестре и через несколько мгновений увидел, что пять-шесть казаков преследуют французов на дороге в Оршу. Казаки продолжали переправляться через реку по десять и по двадцать [человек], некоторые из них направились по дороге в Могилев, что повлекло за собой массовую переправу, *всего не более 500 человек*, которые направились на холм, ведущий в Могилев. Через полчаса казаки вступили в город, из которого они ушли еще до 9 часов. Этот священник был призван *командиром казаков, полковником Мельниковым*, чтобы потребовать хирурга для раненных и чтобы послужить переводчиком между ним и большим пленным французским лейтенантом... Протоиерей прибавил, что *казаки, покинувшие окрестности Шклова, направились в Копыс*».

Позже польский капитан Кисельницкий со слов местных поляков доложит, что «28 июля два казачьих полка прошли через Горы и Дубровку к Орше. Одним из этих полков командовал генерал Денисов, другим – полковник Мельников; они были силой каждый в 600 человек. Эти два полка пришли из Быхова. Первый направился из Быхова *к Шклову и взял там много французских пленных*; он отправился в деревню Navience (?) в десяти верстах от Шклова, где провел ночь». Поправим поляков – на Шклов напал полк Мельникова 3-го.

Биограф генерала Пажоля писал, что тот, «узнав об этой досадной аванюре, попытался смягчить ошибку командана Жосслена; но Даву, который не прощал подобную оплошность, наложил на этого старшего офицера очень суровое наказание». По словам Био, «Пажоль сообщил об этом несчастном деле маршалу Даву; тот приказал, чтобы шеф эскадрона Жосслен направился в его главную квартиру, чтобы

сидеть там под арестом до того, как будет вынесено на его счет судебное решение. Постепенно все утихло; арест был снят...

Однажды я находился за обедом у маршала; посреди приема пищи прибыл генерал, командующий его артиллерией. За столом более не было места, маршал посмотрел, кому из офицеров указать покинуть свое место, тогда его взгляд упал на шефа эскадрона Жосслена, прибывшего утром. „Кто вас пригласил?“ – спросил он порывисто. „Генерал Ромёф“, – ответил ему командан. „Мой начальник штаба, – возразил маршал, – должен помнить, что я никогда не допускаю *каналий* к моему столу!“. Эта выходка поразила меня. Шеф эскадрона поднялся и ушел. Князь Экмюльский был вдвойне неправ. Не только выходка была непристойной, но и эпитет был не заслужен. Г. Жосслен зарекомендовал себя в 11-м шассерском [полку], где я также служил. Он получил звание лейтенанта на поле сражения при Гогенлиндене, а звание капитана – при Аустерлице. На этот раз он, несомненно, был неправ, потому что по небрежности позволил внезапно на себя напасть... Но эта ошибка не сделала его трусом»¹².

Стычка у Копыса. 27 июля генерал Тарро направился в Оршу, «а одну бригаду под командованием... Борстеля выставил двумя милями южнее, в Александрию, откуда подполковник Лоссберг с четырьмя ротами перешел через Днепр, чтобы очистить от противника и взять городок и форт Копыс, лежащие с той стороны». Ф.В. Лоссберг записал: «Сегодня с началом дня армейский корпус в боевой готовности выступил из Коханова в 2 колоннах... Первая с главной квартирой направилась в Оршу, заняв позицию на этой стороне города и выслав несколько легких отрядов на левый берег Днепра... Вторая колонна, 5 батальонов пехоты, среди которых наш полк, вместе со 2-м гусарским полком под командой бригадного генерала фон Борстеля, выстроилась у деревни Александрия, напротив которой на левом берегу Днепра располагался город Копыс».

Однополчанин Лоссберга капитан Т. Папет писал, что в 6 ч. его часть выступила из лагеря при Яблонке (Яновичах). «После часового марша мы расстались с 1-й бригадой, повернув направо, на дорогу, ведущую в Александрию, в то время как 1-я бригада продолжала путь в Оршу... Александрина, лежащая на этом берегу реки Днепр, после полудня оказалась в наших руках. Это богатая деревня. Прямо напротив, на другом берегу реки, лежит городок Копыс. Один офицер и 30 человек из моей роты были отосланы в Шклов, чтобы доставить рапорт о прибытии бригады тамошнему французскому коменданту. Но по пути они

встретили гарнизон этого города, который неожиданным нападением казаков был выбит оттуда и растаял до 20 человек. При виде нашего отряда, казаки прекратили преследование и вернулись в город. Поскольку было невозможно преследовать их с таким небольшим количеством людей и войти в город, отряд вернулся назад к полку и к вечеру добрался до меня. 1-я рота вольтижеров была отправлена на реку и непрерывно стреляла, чтобы не подпустить находившихся на той стороне реки казаков. Она укрепилась в деревне Александрина».

Капитан Линзинген записал, что «2-я бригада (генерала фон Борстеля) при выставлении форпостов имела *легкий, удачный бой* против русских». Унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка С.Э. Рюппель вспоминал: «Наша дорога шла параллельно Днепру; когда у городка Александрия мы направились в находившийся напротив на другом берегу Копыс, внезапно наш авангард устремился назад с сообщением, что отряд казаков обороняет дорогу, которая ведет через брод и окружена крестьянскими избами; мы уже слышали перестрелку. Полковник фон Хессберг выслал 6-ю роту с заданием очистить другой берег, что было исполнено с наилучшим результатом: русские, сражаясь, отступили, и в завязавшемся еще в реке продолжительном бою многие казаки и их лошади были застрелены. Здесь отличился гусар по имени Рандель из Марбурга и получил серебряную медаль за храбрость».

Маршал Даву приказал генералу Тарро треть своего корпуса направить в Оршу, треть – в Бораны, остальных солдат разместить между Шкловом и Копысом. В Шклове следовало собрать разного рода запасы. Рёдер фон Бомсдорф утверждал, что в полдень бригада генерала Готрэна в Александрии воссоединилась с бригадами генералов Домманже и Жерара, и генерал Шатель наконец-то вновь стал командовать всей своей дивизией. Он объявил своим подчиненным, что *казацкие партии из корпуса Платова появились на правом берегу Днепра*¹³.

Старший сержант Ф.Л. Вагнер из 7-го линейного полка уверял, что еще одна стычка при Копысе произошла 28 июля: «Русские были выбиты из Александрии и через реку отошли в лежащий на той стороне городок Копыс. Был обнаружен брод, и *двум кавалерийским полкам* было приказано перейти через реку и выбить казаков из Копыса. 2-я вольтижерская рота была придана кавалерии для поддержки. Согласно этому приказу, мы сели в семь небольших лодок. Я с одним унтер-офицером и 16 солдатами были первыми, кто отчалил, не думая об опасности... Течение удачно доставило нас на противоположный берег. Я посчитал, что вода у берега не очень глубока, выпрыгнул из лодки и не нашел дна».

Вагнер вплавь добрался до берега. «Менее чем за 5 минут, – пишет он, – прибыли также и прочие лодки. Мы, теперь 80 человек, предприняли атаку на стоявших перед городом казаков. Но едва были сделаны несколько выстрелов, как они отступили в город. Затем мы вместе с кавалерией бросились в город. Наша кавалерия в преследовании взяла еще 20 пленных, и мы овладели находившимся в Копысе магазином, что очень удачно пришлось к месту нашему армейскому корпусу». Однако в послужном списке Денисова 7-го указаны только стычки «15-го у местечка Копысь и 16 при Орше», так что Вагнер просто перепутал даты; к тому же в этом вестфальском отряде был только один гусарский полк.

По словам Платова, отряд генерала Денисова 7-го, «бывшего на левой стороне реки Днестра в местечке Копысе, неприятеля сбил и прогнал за реку со взятием пленных шести человек, и как неприятель в беспорядке и с торопливостью ретировался... то из числа неприятеля, бывшего в лодках, одна с людьми, при бывших на нее со стороны нашей выстрелах, на р. Днестре потонула». Позже атаман напишет, что этот отряд прогнал неприятеля за Днестр «с таким поражением, что он, бросаясь в лодки, топился, тут взято в плен более десяти человек»¹⁴. Как видим, эта стычка имела ничтожные результаты, а ее описание атаманом разительно расходится с показаниями вестфальцев, которые в итоге выбили донцов из Копыса.

«Незначительные стычки» у Орши. Линзинген записал: «27 июля мы добрались до Орши на Днестре... Днестр имеет здесь примерно ширину Везера, но очень мелководный. Его берега крутые и каменистые. В Орше мы нашли 1-й (французский) армейский корпус; наш армейский корпус также должен был остаться здесь стоять и выставить форпосты вдоль Днестра. Наш батальон [2-й легкий] имел форпосты в $\frac{3}{4}$ часа [пути] к северу от города; посты были выдвинуты вперед до берега реки. Моя рота стояла у поместья одного дворянина, господина фон Василевского».

Биограф генерала Л. Окса отмечал, что 8-й корпус, прибыв в Оршу, «занял здесь выгодную позицию на обоих берегах Днестра... Для прикрытия своего левого фланга Багратион приказал боковому корпусу под командованием Платова продвигаться вдоль Днестра, который попытался посредством высланной кавалерии разведать позицию вестфальцев. Так как эти последние захотели ее защищать, то недалеко от Орши произошли отдельные незначительные стычки, которые, однако, не имели другого последствия, кроме того, что русские вновь удалились».

Лейтенант Й.Ф. Гиссе записал в дневнике, что при вступлении вестфальцев в город там еще находился арьергард корпуса Груши. 8-й корпус занял неплохую позицию на правом берегу Днепра. *В ночь на 28 июля генерал Хаммерштайн с гусарами и двумя вольтижерскими ротами 5-го линейного полка переправился через Днепр, чтобы разведать дорогу на Дубровну.* «Вскоре он наткнулся на казаков, так как они были повсюду, но перед ним отступили и увезли с собой на лошадях нескольких тяжелораненых. После короткого пребывания там он снова вернулся на позицию с этой стороны. *Храбрость обеих вольтижерских рот удостоилась его похвального упоминания.*»

Тарро сообщил Даву, что 28 июля его разведки наткнулись на значительно превосходящие силы русских в двух льё (9 км) от Дубровны. *«В 4 часа утра отряд казаков весьма оживленно преследовал их, чтобы затруднить им отступление, если бы мои гусары не были поддержаны двумя ротами пехоты, которые удачно встретили противника и ранили у него много людей. Противник остановился в полутора льё от Орши. В два часа пополудни одна колонна показалась перед Оршей и, кажется, пришла по дороге из Савино. В этот момент я посетил две роты пехоты, размещенные на левом берегу и на соединении дорог из Савино и из Дубровны. Казаки атаковали посты, которые ружейными выстрелами удержали их вдалеке.*»

Казаки удерживали деревню на небольшом расстоянии от Орши. Тарро велел двум эскадронам перейти в брод при поддержке одного батальона; при их приближении казаки покинули деревню и направились по дороге к Дубровне.

Гиссе записал, что *«с началом дня 28-го капитан фон Вурмб на своем посту был атакован казаками. Они перебрались через Днепр на правый берег и проникли в недалеко лежащую от него деревню, откуда он их вскоре вновь прогнал отрядом из своей роты под командой лейтенанта фон Лимбергера. Этот офицер, овладевший этой деревней, передал ему прокламацию, которая была ему вручена казаками со строжайшим приказом, вручить ее стоящим здесь немецким войскам. Она была озаглавлена: „Призыв к немцам собираться под знамена Родины и чести“, и призывала всех немцев нашей армии переходить в германский легион в русской армии. В случае победы французов, переметнувшимся немцам русским императором была обещана защита и местожительство в южной России. Около 1000 проникших вперед казаков были отражены генералом фон Хаммерштайном со 2-м гусарским полком и 1-м батальоном легкой пехоты без потерь с нашей стороны.* Музыкант Ф. Крольман утверждал, что с гусарами Хаммерштайна находился его 3-й батальон легкой пехоты¹⁵.

По словам Платова, «отряженная... к Орше при подполковниках Чуйкевиче и Харитонове 7-м команда, нашед неприятеля *на левой стороне* реки Днепра пред Оршею, ударила на него и принудила броситься через реку в Броды [в брод], взяв в плен французов и *вестфальцов одиннадцать человек*». Позже атаман напишет, что неприятеля, шедшего из Орши к Дубровне «*в двух полках кавалерии и батальоне пехоты*», эта команда «*опрокинула и прогнала чрез Днепр опять в Оршу со взятием в плен до двадцати человек*». В послужном списке Чуйкевича указано, что он «15, командуя авангардом корпуса генерала Платова, прогнал вестфальские войска под командою генерала Гаммерштейна от Дубровны к Орше». Что же касается второй русской колонны, то это была бригада Денисова 7-го, в послужном списке которого упомянута стычка под Оршей 16 (28) июля.

Платов писал, что «*находящийся... неприятель в одном эскадроне кавалерии в местечке Дубровне 15-го числа, в половине дня*, увидевши приближение передовой команды моей, переправясь чрез реку Днепр вброд, бежал из сего местечка в Оршу и я ввечеру Дубровну занял». Исходя из расположения войск наполеоновской армии, это могла быть какая-то партия из 2-го (голландского) полка шволежеров гвардии, стоявшего в Орше.

Таким образом, подытожил Платов 17 (29) июля, после всех трех налетов (на Шклов, Копыс и Оршу) «*на левой стороне реки Днепра неприятеля... по сие время нигде нет*; чему доказательством служит то, что подполк. Мельников 3-й, явившийся теперь ко мне, имел минувшую ночь ночлег у монастыря близ Орши». «При поражении неприятеля взято у него в плен *шесть офицеров* и девяносто пять рядовых, которые и отправлены мною в отряд резервных войск ген.-м. Оленина для дальнейшего отправления, куда следует». Позже атаман попросит у Барклая наград для урядников и казаков «за разбитие неприятеля при Шклове убитым подполк. Мельниковым 3-м, *на пять сот человек*, бывших под командою подполк. Чуйкевича и Харитонова, *семь знаков*»¹⁶.

Впрочем, Платов лукавил, так как вестфальская пехота в Орше удержалась на левом берегу, да и в Копысе вестфальцы перешли на этот же берег. А утром того самого дня Тарро отправил два отряда к Дубровне по обоим берегам Днепра. Генерал Хаммерштайн написал ему с высоты Слатовщизны, что не встретил никого, и как только генерал Э. Легра, следующий на его левом фланге по правому берегу, поравняется с ним, они вместе двинутся к Дубровне. Затем оба отряда дошли до высоты Крапивны и потом вернулись в Дубровну.

Как видим, описания боев под Копысом и Оршей в немецких и в русских источниках значительно отличаются друг от друга – каждая из сторон постаралась «перетянуть одеяло» победы на свою сторону. Платов явно преувеличил «масштабы победы» этих своих отрядов и завысил силы противника, так как у вестфальцев под Оршей мог быть лишь один гусарский полк – 1-й, понесенные им потери были ничтожны, а пехотинцы на правый берег отброшены не были.

Думаем, что читатели убедились, что описания всех трех казачьих налетов в немецких и французских источниках гораздо более объемны и информативны, чем в донесениях Платова – целые рассказы вместо нескольких предложений (210 строк против 30, т.е. в семь раз более объемны), так что без их учета детальной картины событий создать невозможно. Тем более что наступающей стороной тогда была французская армия, и у ее командиров было гораздо больше свободного времени, чтобы писать более подробные рапорты, чем у русских...

Сапожников отметил, что «Ермолов и Чуйкевич утверждали, что разведывательные рейды на Шклов, Копыс... и Оршу *имели большое значение и дали армиям возможность соединиться*. Даву, опередивший Багратиона в Могилеве, не успел сделать этого в Смоленске. Однако причина в том, что *16 июля Наполеон решил дать своей армии отдых, остановив ее на линии Витебск – Могилев. Казачьи поиски, из которых удачным был только один – на Шклов, не могли бы остановить продвижение группировки войск Даву, если бы оно продолжалось*»¹⁷.

Это не совсем точно, ибо Даву задержался в Могилеве не по приказу императора, а из-за опоздания корпуса Понятовского. Кроме того, успех налета на Шклов в значительной степени определялся поведением местных евреев. 29 июля Даву сообщит Понятовскому, что «город Шклов населен очень богатыми евреями; *они плохо настроены*. Я велел взять залог, чтобы они поставили нам сукна на 4000 шинелей». Полякам следовало исполнить эту реквизицию. В тот же день маршал напишет находившемуся в Шклове генералу Клапареду, командиру польского же Легиона Вислы: «Не забудьте увезти греческого архимандрита, а также еврейских заложников».

30 июля Даву сообщит Наполеону, что «евреи Шклова являются виновниками столкновения отряда 2-го шассерского [полка] и *очень плохо вели себя по отношению к нам при вступлении казаков*. Я присудил им снабдить V-й корпус князя Понятовского, который испытывает величайшую нужду, несколькими тысячами пар башмаков и локтей сукна». 31 июля маршал прикажет Понятовскому: «Следует потребовать рис

у евреев Шклова, я знаю, что они его имеют, и использовать этот момент отдыха, чтобы доставить вашим солдатам башмаки и шинели». 4 августа Понятовский сообщит Даву, что «в Шклове нашлось лишь 4000 локтей сукна и немного кожи. Евреи разосланы во все стороны», чтобы собрать недостающее. По русским данным, «шкловские евреи сделали пять тысяч башмаков, да мундиров 3 тысячи для французских войск»¹⁸.

Добавим также, что столь же завышенную оценку казачьим налетам давали и военные историки. А.И. Михайловский-Данилевский написал, будто Платов «направился на Чаусы и Горки и рассылал в разные стороны *разъезды, которые, как рои пчел, кружась на всех тропинках, охватили все пространство между Могилевом и Оршей. В сих поисках истребили казаки много французских бродяг и команд.* „Мои молодцы всюду их поражали“, – писал Платов. Из Горок пошел он на Дубровну». Историк здесь явно дал волю своей фантазии, поскольку речь идет всего лишь о трех налетах; никаких «французских бродяг и команд» на левом берегу Днепра вовсе не было.

В. Харкевич, французские документы читавший, написал, будто «задача, возложенная Платовым на высланные им *для очищения левого берега Днепра отряды, увенчалась полным успехом.* В Шклове, Копысе и Орше посты *французской кавалерии* были сбиты (с потерей пленными) и вынуждены были очистить занимаемые ими пункты. *Особенно удачно было исполнено нападение на Шклов, где более половины отряда, а именно 6 офиц. и 72 н. ч. конно-егерей* было захвачено в плен; остальные были перебиты или обращены в бегство». Потери противника во всех трех налетах он определил в 82 человека. Вслед за ним И. Иностранцев заявил, что «*все три поиска имели полный успех и французские отряды из всех трех пунктов были выбиты*», а на схеме № 23 своего атласа изобразил, будто бы все три партии были отправлены на поиски из Дубровны¹⁹.

Нынешние *донские псевдоисторики*, пишущие популярные книжонки, ни слова не написали обо всех этих налетах. *Калмыцкий же псевдоисторик* К.Н. Максимов, напротив, в юбилейном угаре пустился в безбрежное фантазирование. По его словам, полк Харитонов 7-го действовал отдельно от отряда «Чуйкевича в количестве 700 казаков и 50 калмыков»; причем последних он буквально «высосал из пальца». Корпус Платова, написал он, «*прошелся по тылам противника в районе Могилева и Орши, Шклова и Копыси. В этом походе казаки уничтожили более 2 тыс. солдат неприятеля, взяли в плен 13 офицеров и 630 нижних чинов*»²⁰. Лихо! О каких-таких «тылах» вообще может идти речь?

Как тут не вспомнить ответ одного российского генерала (немецкого происхождения) времен русско-турецких войн XVIII в. на замечание своего командующего о явном завышении потерь противника: «*А чего их, басурман, жалеть-то?*». Мы согласны с суждением А.И. Сапожникова, но с одним существенным замечанием – *приказы Наполеона недопустимо датировать старым стилем!*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М.; СПб., 2012. С. 157–160.

² Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. XIV. С. 135 (далее – ВУА); Бутурлин Д.П. История нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1824. Т. 1. С. 195; Харкевич В. Действия князя Багратиона в 1812 году (из бумаг покойного В. Харкевича) // Воен.-ист. сб. 1913. № 4. С. 80.

³ Fabry G. Campagne de Russie, 1812: Operations militaires. P., 1903. Т. V. P. 223–229, 308; Röder von Bomsdorf O.W. Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge... Leipzig, 1816. Th. I. S. 133.

⁴ Fabry G. Op. cit. P. 225; [Naucase P.] Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cette empire, du côtes de l'Asie: Observations intéressantes sur les moeurs, les usages et le caractère des habitants de la rive gauche du Wolga, près de la Mer caspienne. P., 1817. P. 3–4; Попов А.И., Холченко С.Н. Установление авторства анонимных мемуаров // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. М., 2007. С. 214–215. (Тр. ГИМ. Вып. 166)

⁵ Fabry G. Op. cit. Т. II. P. 183, 196–200; Т. V. P. 224–225; Fezenzac R. Souvenirs militaires de 1804 à 1814. P., 2008. P. 143; Soltyk R. Napoléon en 1812. P., 1836. P. 80; Lofberg F.W. Briefe in die Heimath geschrieben während des Feldzuges 1812 in Rußland... Cassel, 1844. S. 93–94; Pawly R. Les lanciers rouges de la Garde: Historique du 2-e Regiment de cheveau-legers lanciers de la Garde Imperiale: Les freres de Stuers au service de Napoléon I-er. Bruxelles, 2008. Vol. 2. P. 116.

⁶ Fabry G. Op. cit. Т. III. P. 66; Т. V. P. 229–32, 308–09; Kirkor S. Legia Nadwislanska, 1808–1814. L., 1981. S. 201.

⁷ Fezenzac R. Op. cit. P. 143–144; Röder von Bomsdorf O.W. Op. cit. S. 133; Fabry G. Op. cit. Т. II. 245, 247; [Naucase P.]. Op. cit. P. 4–5; Pajol Ch. Pajol général en chef par le général de division comte Pajol son fils aîné. P., 1874. Т. 3. P. 23; Biot H.F. Souvenirs anecdotiques et militaires du colonel Biot, aide-de-camp du général Pajol. P., 1901. P. 15; Эпоха 1812 г. С. 217.

⁸ ВУА. Т. XIV. С. 128, 132–33, 135; Т. XVII. С. 151, 152; Воен.-ист. сб. 1913. № 4. С. 80; *Бутурлин Д.П.* Указ. соч. С. 195; *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник. Ч. 1 // Тр. МО РВИО. М., 1913. Т. IV. С. 182–183.

⁹ *Fabry G.* Op. cit. Т. II. P. 244–48, 270–71; Т. V. P. 231; *Henckens J.L.* Mémoires se rapportant à son service militaire au 6-e régiment de chasseurs a cheval français... La Haye, 1930. P. 115; *Pawly R.* Op. cit. P. 116; *Pigeard A.* Les étoiles de Napoléon. P., 1996. P. 570.

¹⁰ Су-лейтенант Альберик Дюшатель был ранен четырьмя ударами пик, но сумел ускользнуть. В 1816 г. Хенкенс встретит его в Брюсселе, когда тот станет адъютантом принца Оранского (*Biot H.F.* Op. cit. P. 16; *Henckens J.L.* Op. cit. P. 117–118).

¹¹ Капитан П. Ноказ, лейтенант Жак Бопре и су-лейтенант Франсуа Лаборье из 2-го шассерского полка, поручик-инженер Феликс Шамоновский и поручик 9-го уланского полка Михал Домбровский отбывали плен в Оренбургской губернии.

¹² *Fabry G.* Op. cit. Т. II. P. 294, 316–318, 350; Т. III. P. 71; Т. V. P. 225, 232, 235–37; [*Naucase P.*] Op. cit. P. 5–10; *Pajol Ch.* Op. cit. Т. 3. P. 23–24; *Biot H.F.* Op. cit. P. 15–17; *Henckens J.L.* Op. cit. P. 116–117; *Martinien A.* Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire (1805–1815). P., 1899. P. 581; *Raucourt G.* De Boulogne à Waterloo (1803–1815) avec le 2-e regiment de chasseurs à cheval. P., 1999. P. 50–51, 115, 120, 122, 126; ВУА. Т. XIV. С. 157, 170; *Поликарпов Н.П.* Указ. соч. С. 183; *Понов А.И.* 2-й конно-егерский полк в русском походе // Воин. 2004. № 17. С. 51–52; Эпоха 1812 г. С. 216–19; *Сапожников А.И.* Указ. соч., С. 158–60, 783–84.

¹³ *Hohenhausen L.* Biographie des generals von Ochs. Cassel, 1827. S. 228; *Lofberg F.W.* Op. cit. S. 96–97; *Gieße F.* Kassel – Moskau – Küstrin, 1812–1813: Tagebuch während des russisches Feldzuges... Leipzig, 1912. S. 75–76; *Wagner F.L.* Tagebuch des königlich Westfälischen leutnants F.L. Wagner aus den Jahren 1809 bis 1813 // Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine. B., 1899. Bd. 111. S. 207–08; *Linsingen.* Auszug aus dem Tagebuch des Hauptmanns von Linsingen während des Feldzuges in Rußland im Jahre 1812 // Beihefte zum Militär-Wochenblatt. 1894. S. 273; *Rüppel E.* Kriegsgefangen im Herzen Russland. B., 1912. S. 48–49; *Röder von Bomsdorf.* Op. cit. S. 134; *Lünsmann F.* Die Armee des Königsreichs Westfalen. B., 1935. S. 301; Correspondance du maréchal Davout... P., 1885. Vol. III. P. 570–572; Дневник капитана Теодора фон Папета // Эпоха 1812 года: Исследования. История. Историография. М., 2012. С. 391. (Тр. ГИМ. Вып. 187).

¹⁴ *Wagner F.L.* Op. cit. S. 207–208; Дневник капитана фон Папета. С. 391; ВУА. Т. XIV. С. 157, 170; Воен.-ист. сб. 1913. № 4. С. 83; *Поликарпов Н.П.* Указ. соч. С. 183–84; *Сапожников А.И.* Указ. соч., С. 780.

¹⁵ *Hohenhausen L.* Op. cit. S. 228; *Gieße F.* Op. cit. S. 75–78; *Fabry G.* Op. cit. T. II. P. 318–319; *Loßberg F.W.* Op. cit. S. 96, 99; *Linsingen.* Op. cit., S. 273; *Klinkhardt F.* Feldzugs-Erinnerungen aus den Jahren 1812–1815 // Aus der Zeit der schweren Not. Bd. 5. Braunschweig, 1908. S. 26; Кримерleben des Johann von Borcke, 1806–1816. S. 174–75; Кримерerinnerungen des Obersten Franz Morgenstern aus Westfälischer Zeit. Wolfenbuettel, 1912. S. 58; *Krollmann F.* Erlebnise in dem Kriege gegen Rußland im Jahre 1812 von Landbereuter Fr. Krollmann, damaligen Musikus beim dritten Chasseur-Bataillon Westfalen. Hannover, 1912. S. 21–22; *Kleinschmidt A.* Geschichte des Königreichs Westfalen. Gotha, 1893. S. 525; *Lünsmann F.* Op. cit. S. 301.

¹⁶ ВУА. Т. XIV. С. 140–41, 143, 157–158, 170, 182, 272; Т. XVII. С. 148. *Поликарпов Н.П.* Указ. соч. С. 184; *Бутурлин Д.П.* Указ. соч. С. 195; 1812–1814: Реляции. Письма. Дневники. М., 1992. С. 119–120; *Сапожников А.И.* Указ. соч. С. 157, 160; *Wolzogen L.* Memoiren. Leipzig, 1851. S. 112; *Fabry G.* Op. cit. T. II. P. 220.

¹⁷ Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 137; *Бутурлин Д.П.* Указ. соч. С. 229; *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1859. Т. I. С. 218; *Сапожников А.И.* Указ. соч. С. 57–58.

¹⁸ *Fabry G.* Op. cit. T. V. P. 237, 239, 244; T. II. P. 350; T. III. 163.

¹⁹ *Михайловский-Данилевский. А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 120; Воен.-ист. сб. 1913. № 4. С. 83; *Иностранцев И.* Отечественная война 1812 года: Операции 2-й Западной армии князя Багратиона. СПб., 1914. С. 356.

²⁰ *Максимов К.Н., Очиров У.Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012. С. 192. Похожую фантазию написал в свое время и В.Г. Сироткин: «Платов выполнил приказ – его казаки с боем прошли по тылам „Великой армии“ и 29 июля у Любавичей встретились с 1-й армией» (*Сироткин В.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 48). Комментарии излишни.